

ТИМИЖЕВ Хаамиша Тарканович,
Кабардино-Балкарский научный центр РАН,
г. Нальчик, Россия
kbigi@mail.ru

TIMIZHEV Khamisha T.,
Kabardino-Balkarian Scientific Center of Russian Academy of Sciences,
Nalchik, Russia
kbigi@mail.ru

ЧЕРКЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ТУРЕЦКОГО ПРОЗАИКА О. СЕЙФЕДДИНА

CHERKESK MOTIVES IN THE WORKS OF TURKISH PROSE WRITER O. SEYFEDDIN

В статье рассматриваются вопросы влияния адыгских (черкесских) народных мотивов в творчестве талантливого турецкого писателя, потомка черкесских махаджиров Омера Сейфеддина. Автор устанавливает закономерности взаимодействия литературных традиций, включая турецкую и черкесскую. В работе с другого ракурса делается попытка анализировать произведения прозаика, выявляется, что творческая индивидуальность О. Сейфеддина связана с характером и психологией черкесского этноса, который выработал свое мировидение, менталитет, особый взгляд на окружающую среду, людей, без которых невозможно в полной мере понять художественное своеобразие писателя. Обращается внимание на такие проблемы, как этнокультурная идентификация автора, языком творчества которого стал турецкий, место литературы диаспоры в истории и современном состоянии адыгских (адыгейской, кабардинской, черкесской) литератур. В статье делается вывод о многообразии творческих подходов писателя к проблеме историзма и психологизма, о роли яркой творческой личности в эволюции художественного сознания, месте исследуемых произведений в современном состоянии черкесской художественной словесности. Результаты анализа произведений О. Сейфеддина могут быть использованы в разработке частных вопросов национального литературоведения, они значительно облегчат поисковый путь исследователям.

This article discusses the impact of the Adyghe (Circassian) people's motives in the works of talented Turkish writer, a descendant of the Circassian Muhajirs Ömer Seyfeddin. The author establishes the laws of interaction of literary traditions, including the Turkish and Circassian. In the work from a different perspective is an attempt to analyze the works of writer, reveals that the creative individuality O. Seyfeddin related to the character and psychology of the Circassian ethnic group, which has developed its vision of the world, the mentality, a special look at the environment, the people, without which it is impossible to understand fully the artistic originality of the writer. Attention to issues such as ethno-cultural identity of the author, the language of art which was the Turkish Diaspora literature place in the history and current state of the Adyghe (Adyghe, Kabardian, Circassian) literatures. The article concludes that the writer's creative diversity of approaches to the problems of historicism and psychology, on the role of a bright creative personality in the artistic evolution of consciousness, place the test pieces in the current state of the Circassian art literature. Results of the analysis of works of O. Seyfeddin can be used in the development of private matters of national literature; they will greatly facilitate the search path to the researchers.

Ключевые слова: культура восточных народов, литература черкесской диаспоры, литературный процесс, фольклорные мотивы, художественное мировидение, новелла, метод, стиль, идентификация, нравственность, этика

Keywords: Eastern peoples culture, Circassian Diaspora literature, literary process, folkloric motifs, artistic vision of the world, story, method, style, identity, morality, ethics

Турецкий писатель, родившийся и выросший в семье военнослужащего из числа черкесских переселенцев, Омер Сейфеддин (черк. – Умар Хатко, 1884–1920) был наделен необыкновенным талантом. И хотя прошло уже около века со дня его смерти, творчество классика турецкой литературы до сих пор вызывает много споров и дискуссий. Турецкие литературные критики обвиняли его в том, что он «не видит ничего, кроме объектов высмеивания» [2, с. 176], не поняли его и соплеменники, обвиняя художника «в пособничестве националистам» [3, с. 67]. Черкесы-махаджеры не пытались вникнуть в то, что говорил их соотечественник эзоповым языком. Они увидели только то, что лежало на поверхности, и многие даже обвинили О. Сейфеддина в отсутствии мужества. Иначе и быть не могло. В начале 20-х гг. XX в. творческие силы Турции все еще находились в упадке. Черкесы-переселенцы, оказавшиеся в тяжелейших условиях из-за войны и национально-освободительных движений, тратившие все силы в борьбе за выживание, просто не разглядели в произведениях соплеменника особенности мировидения этноса и мотивы народных сказаний.

В начале Первой мировой войны О. Сейфеддин понял, как глубоко заблуждался, и решил отмежеваться и от «пантюркистов», и от «панисламистов». Однако некоторые советские литературоведы (например, Н.А. Айзенштейн, Л.О. Алькаева, Г.В. Сорокоумовская, В.С. Гарбузова и др.) видят в произведениях прозаика, особенно в «балканских рассказах», «горячий пар национализма» [1, с. 37]. Отдавая должное усилиям этих ученых по ознакомлению российских читателей с творчеством талантливого писателя, нельзя не отметить и то, что они не до конца раскрыли глубину мыслей автора, заложенных в его произведениях. А их невозможно понять, не принимая в расчет судьбу 250 тысяч черкесов [11, с. 24], поселенных первоначально на Балканах, потом вынужденных вслед за отступающей турецкой армией снова отправляться в путь, ведущий в неизвестность. Не более счастливая судьба выпала и на долю черкесов, поселившихся в Анатолии и по берегам Черного, Мраморного и Эгейского морей. Одним словом, как поется в народной песенке о Мазане Дуге, «черкесские юноши уходили на войну, оставляя своим невестам только надежду» [7, с. 12-13]. Без осмысления этих фактов невозможно понять суть и содержание твор-

чества Омера Сейфеддина, направленность его сатиры, которая, по словам турецких критиков, «обжигает».

Главным героем многих произведений О. Сейфеддина является сам автор. Писатель умел мастерски обнажать в мелочах глубокие социальные противоречия, существующие в обществе. В подавляющем большинстве своих рассказов он занимает активную социальную позицию, пытается внушить читателю определенную идею, пробудить в нем патриотизм. В творчестве писателя причудливым образом переплелись истории тысяч человеческих судеб, непохожих друг на друга, несущих в себе и зло, и добро, иногда в одном лице одновременно. То есть писатель стремится разобраться в лабиринтах человеческой психологии и психики, природных качествах и поведенческих мотивах. Вот почему он, пропуская через решето своих мыслей многочисленные сцены человеческой жизни, советовал «не слишком увлекаться чем-либо в этой жизни» [9, с. 153] – она многолика, многогранна и весьма обманчива. Именно такое воззрение писателя на мир и человека породило разночтение в критике его творчества. Оно давало простор для разного рода мнений и оценок.

Необходимо отметить, что черкесам писатель не посвятил отдельные художественные произведения, как это сделал другой классик турецкой литературы Ахмед Мидхат. И это одна из причин, почему черкесы были им недовольны. А. Мидхат никогда не скрывал, что он родом с Кавказа. О. Сейфеддин же не последовал примеру товарища по перу. Да ему и не позволили бы сделать это – над страной пылало пламя националистического костра пантюркистов, и молодой художник, оказавшийся в самом его пекле, мог говорить только на эзоповом языке.

Своеобразный язык писателя, намеренно маскирующий мысль автора, на наш взгляд, не был до конца понят отдельными турецкими и западными литературоведами. «Такой необычный стиль письма, подачи мыслей не воспринимается всерьез некоторыми исследователями. Вот почему появляются критики, дающие не совсем объективную оценку творчеству Умара Хатко (О. Сейфеддина), – пишет адыгейский ученый А. Схалыхо. – Главная причина непонимания отдельных моментов творчества писателя литературоведами заключается в незнании ими своеобразия художественного мышления народа, к которому принадлежит сам писатель» [8].

Во многих рассказах писатель отдает явное предпочтение комическому жанру. Ирония, юмор, чаще сатира выступают в качестве сильных средств, помогающих ему оттенить отрицательные качества определенного типа или общественного явления, подчеркнуть их пагубное влияние на интересы общества. Его едкая ирония направлена, прежде всего, против пройдох и наглецов типа Эфруз-бея (повесть «Эфруз-бей»). Своеобразным художественным приемом писателя был повтор одного и того же действующего лица. Таков Эфруз-бей – человек без родины и национальности, без принципов, и руководит им одно всепоглощающее желание: «выплыть наверх». Писатель проводит своего комического героя через ряд новелл, «сквозь позорный строй различных ситуаций, в которых каждый раз раскрывается еще одно неприглядное качество этого действующего лица» [9, с. 157]. Эфруз-бей – образ собирательный, пародия на современных автору политиков. Этот наглый тип ради достижения своей цели может играть и на национальных чувствах людей.

Образ Эфруз-бея, в первую очередь, напоминает тех мусульманских священнослужителей, которых использовали в качестве агитаторов, призывавших черкесов поехать на «поиски счастья в благодатной земле единоверцев». Да, «эфрузбеи» – неплохие ораторы, они хитры, умеют манипулировать чувствами людей, привлекать их на свою сторону. «Объединяйтесь, любите друг друга. А ну-ка, братья, обнимитесь!..» – обращается к собравшимся людям лектор-османист Эфруз-бей. Услышав такой призыв, «жители Стамбула – турки, греки, арабы, евреи, армяне, болгары, албанцы – бросились друг друга обнимать. Только черкесы остались невозмутимыми, они не последовали примеру других...» [5, с. 285]. Было чего остерегаться этому народу. Безмерна боль черкесов, переживших трагедию – Кавказскую войну, раскол, махаджирство. Народ, который своим «великолепным мастерством может восхитить людей других национальностей так, чтобы они посчитали за честь называться черкесами» [6, с. 98], в этом мире заслуживает большего. Такую оценку дал своему этносу О. Сейфеддин в рассказе «Ремень» [6, с. 95-98]. Он входит в цикл сатирических рассказов, где автором высмеиваются неумелые правители, доведшие некогда могущественную империю до развала, а народ – до нищеты и обездоленности.

Черкесы издавна славились на Кавказе своей высокой культурой, прекрасным этикетом (адыгэ хабзэ), удивительными мастерами народных ремесел. Теперь они остались «без родины, без будущего. Ни один народ в мире не видел такого горя, какое испытали адыги» [6, с. 97]. Вот почему турок Махмуд-бей, герой рассказа «Ремень», добровольно поменявший свою национальность на черкесскую, собирает деньги, чтобы отдать тому, кто «лучше напишет историю черкесского народа».

Рассказ написан в любимом стиле писателя – диалога между автором и его собеседником. Двадцать лет назад, когда Махмуд-бей был еще подростком и учился в лицее, его друг-черкес подарил ему мужской черкесский ремень. «Великолепен был ремень – темно-синий,

весь украшенный серебром и драгоценными камнями...» [6, с. 98]. С этого дня с Махмудом случилось нечто невероятное: перестал он признавать своих «турок-шароварников», вместе с ними есть, играть, а чуть позже вообще отказался говорить по-турецки. Юноша выучил черкесский язык и «паспорт достал, где написано, что он черкес по национальности...». Все его стали называть Махмуд-черкес. Правда, однокурсники хотели этим «только разозлить юношу, а он, наоборот, благодарил их». По сюжету далее Махмуд-бей оказывается на Кавказе и женится на черкешенке; снова возвращается в Стамбул и начинает заниматься проблемами этого этноса. Где бы ни оказывался, он говорил только на черкесском языке. Восхвалял этот народ, восхищался адыгским этикетом, взаимоотношениями между его людьми и т.д. Короче говоря, «подаренный когда-то другом ремень сделал то, чего не добьешься ни силой, ни страхом, ни жестокостью – переменял до неузнаваемости человека. Махмуд-бей без принуждения, добровольно решил стать черкесом...» [6, с. 97].

Писатель-сатирик видел пороки общества лучше, чем кто-либо, поэтому под огонь его критики попадают представители самых разнообразных слоев населения. В цикле рассказов, посвященном псевдопатриотам, он высмеивает людей, забывающих о своих корнях, национальной самобытности, если они не приносят сиюминутной выгоды, и готовы преклоняться перед чужой культурой, укладом жизни. Махмуд-бей тоже один из этих человеческих типов, но не это главное в рассказе. Главное – сила, которая исходит от народа, «обладающего искусством великолепного ремесла». Этот мужской черкесский ремень – символ возрождения народа. За столько лет он не потерял ни красоты, ни блеска: «Махмуд-бей встал из-за стола и позвал официанта расплатиться. В этот момент из приподнятого подола рубахи показался серебряный ремень, когда-то привезенный ему из Карамурсала. Он очаровывал своим великолепием...» [6, с. 98].

Писатель жалеет турок, которых сделали османистами, исламистами и прочими, лишенными своей национальной культуры, ремесла, которыми можно было гордиться так же, как и «этим великолепным черкесским ремнем». Этими словами Омер Сейфеддин говорит всему миру, что черкесы – народ с богатейшей культурой и историей – не должны исчезнуть с лица земли. Не Махмуд-бей, Эфруз-бей и Садри должны стать лидерами, не они и им подобные возродят народ и «напишут правдивую историю черкесов». Остерегайтесь их, не следуйте за ними – их путь ведет в никуда. Вот что хочет сказать своим соплеменникам мудрый прорицатель О. Сейфеддин.

В последние годы жизни писателя происходит перелом в его взглядах. Видя огромные человеческие жертвы, экономическую разруху, принесенные войной, О. Сейфеддин делает вывод: политика пантюкистов, пытающихся объединить все тюркоязычные народы в одно государство, – это миф, и не более того. Через решето жесткой критики писатель пропускает политику иттихадистов, которые с идеями пантюкизма, реванша за поражения на Балканах и Кавказе втянули страну в Первую мировую войну. Они оставили Турцию, по О. Сейфеддину, беззащитной страной, разоренной европейскими державами. «Твоя страна не знает своего имени, своего языка, – читаем в рассказе «Вечер свободы». – Время идет, а ты все еще спишь. Враги, которых она считает друзьями, разграбили все ее богатство, отняли все ее счастье. Твоя страна – нищая, она у себя самой пленница, рабыня» [4, с. 101]. Теме патриотизма посвящены рассказы «После Чанаккалы», «Очень большой человек», «Очаги знаний» и т.д.

О. Сейфеддин осознал и то, что чрезмерное увлечение несбыточными идеями политика-нов было ошибочным (цикл рассказов «Очаги знаний»). Вот почему нужно искать компромисс, отменяя обвинения в поощрении национализма, часто звучащие в адрес писателя со стороны его соплеменников. Как совершенно обоснованно отметил профессор А. Схаляха, главный смысл произведений О. Сейфеддина – защитить малые народы, уберечь их «от ассимиляционного процесса». «Кто поймет и пропустит через душу ту тревогу, которая преследовала писателя всю его жизнь? Кто услышит зов его сердца?» – спрашивает литературовед. И отвечает: «У черкесов есть пословица – "если сердце не смотрит, то глаза не видят", точно так же, если сердце глухо, уши не услышат. Зов сердца, мысли писателя услышат и поймут только те люди, которым небезразлично будущее своего народа» [8].

У О. Сейфеддина есть еще ряд произведений, как бы соединенных одной идеей. Среди них особенно выделяются рассказы нашего соплеменника о своем детстве, согретые душевным теплом автора. Писатель не пытался приукрасить детские годы. Иначе и быть не могло. Семья махаджиров, где он родился и вырос, с большим трудом обустроилась на новом месте и пережила немало неприятных событий. Поэтому детские рассказы О. Сейфеддина остались такими «грустными» («Скребница», «Фалака», «Завистник», «Клятва» и т.п.). Именно в его детских рассказах можно найти особенности черт характера черкесского народа, из которого вышел сам писатель. Что может быть лучше для мальчиков, чем помощь старшим в уходе за лошадьми? Лирический герой рассказа «Скребница» и его младший брат больше всех других игр и развлечений «любили наполнять овсом кормушки, подбрасывать в ясли траву, подметать конюшню, убирать навоз. Но особое удовольствие доставляла работа скребницей, для чего нужно

было взобраться на спину лошади и водить железным "скребнем"» [9, с. 161].

Черкесы с малых лет учили мальчиков умению кормить, поить лошадей, ездить на них. Поэтому неудивительно, что мальчики, растущие в семье кадрового офицера, больше всего любили «помогать конюху Дадаруху в уходе за лошадьми». Герой рассказа тайком забирается в конюшню, крадет новую скребницу Дадаруха и, испортив, бросает ее в сухой заброшенный колодец. Свою вину он сваливает на младшего брата Хасана. Мальчик решился признаться в содеянном лишь тогда, когда узнал о том, что Хасан «заболел какой-то страшной болезнью...» [9, с. 162].

Совсем другой герой встречается в рассказе «Клятва». Мистык не такой трус, как персонаж «Скребницы», который из-за боязни перед наказанием свалил свою вину на родного брата. Мистык – настоящий герой, который борется с бешеной собакой, чтобы спасти от нее своего друга. А в рассказе «Фалака» описываются монотонные, однообразные будни учеников мусульманского медресе, неумная фантазия, которая помогла им избавиться от малограмотного устаза Ходжи-эфенды, строившего обучение своих подопечных на бесконечной зубрежке и жестоких наказаниях.

В этих произведениях четко отображены условия, в которых воспитывалось молодое поколение и учились дети. А рассказ «Фалака» несет в себе еще и критический заряд, направленный против системы образования, которая с ее зубрежками и физическими наказаниями калечила детские души, воспитывая в них неискренность, страх перед наказанием, леность ума.

От зорких глаз писателя-сатирика не ускользают и проблемы чисто бытового характера. Он обличает богатых невежд, высмеивает неумных аристократов, жуликоватых торговцев и судей, хитрых слуг. По своей тематике эти рассказы объединены в так называемый цикл «высоких каблуков». Как и А. Мидхат, писатель «выводит» на узкие улочки Стамбула и на побережье прототипов героев черкесского фольклора Куйцука-хитреца, Ходжи-озорника, муллу-стяжателя, судью-взяточника, богача-наглеца и т.п. Нетрудно догадаться, кто является прототипом судьи в рассказе «Кисет», который разрешает спор в пользу Мистыка в надежде на мзду с его стороны. Или вспомним торговца Мистыка («Привычка»), который задумал обдурить муллу-стяжателя. Прототипом героев названных рассказов является Куйцук – непревзойденный хитрец и озорник в фольклоре. Персонажи черкесских народных сказаний встречаются и в рассказах «Высохшие деревья», «Чудо», «Петух», «Три совета», «Оплошность», «Вероотступник» и т.д. В произведениях, входящих в этот цикл, очень много пословиц, поговорок, фразеологических оборотов, встречаемых только в черкесском языке.

У О. Сейфеддина есть и произведения, где с большой любовью рассказывается о простых тружениках, беззаветно преданных своему ремеслу. С такими запоминающимися образами встречаемся мы в рассказах «Выкуп», «Мраморный верстак», «Три совета», «Клятва», «Незлобивый» и т.п. Главные герои этих рассказов – простые ремесленники, крестьяне, наделенные автором высокими нравственными качествами. Когда писателя упрекали за «жестокость смеха», за то, что он «видит только предлог для высмеивания», тот всегда удивлялся: «Почему вы так несправедливы? Разве я не влюблен в мастера Али в "Мраморном верстаке"? Разве я не люблю Мистыка в "Клятве", но, помилуйте, как я могу любить Эфруз-бея?» [9, с. 154].

Наше исследование показывает, что творческая индивидуальность О. Сейфеддина тесно связана с характером и психологией черкесского народа, который выработал свое мировидение, свой менталитет, свой взгляд на окружающую среду, на людей, в художественном преломлении «показал приметы национальной культуры и воссоздал образ горца – честного и целеустремленного» [10, с. 178]. Без учета этих основополагающих принципов невозможно в полной мере понять художественное своеобразие творчества писателя. Неоспорим тот факт, что все произведения Омера пронизаны стремлением к высшей нравственности и духовному оздоровлению и обогащению народа.

У писателя есть и другие произведения, где он с особой нежностью отзывается о своих соплеменниках, семье, друзьях, над переводами которых работает целая группа черкесских литераторов. Это очень важно, ибо, как говорит критик А. Схалыхо, в произведениях О. Сейфеддина нужно видеть в первую очередь «боль души писателя за страдания своих соплеменников» [8]. Своим творчеством О. Сейфеддин открыл нам, живущим на исторической родине, другой мир – жестокий и беспринципный, в котором по воле судьбы оказались черкесы-махаджеры, вынужденные бороться за сохранение национальной самобытности. Без этого мира невозможно создать и осмыслить целостную картину развития адыгских (адыгейской, кабардинской, черкесской) литератур, а О. Сейфеддин – лучший летописец событий вековой давности.

Всю свою короткую жизнь он искал правду. О. Сейфеддин испытывал глубокое разочарование, когда идеи, казавшиеся ему еще вчера незыблемыми и надежными, чистыми и справедливыми, вдруг разбивались при первом же их столкновении с «жизненными айсбергами». В таких случаях писатель считал себя крайне несчастным, глубоко сожалел о своих ошибках и все начинал сначала. О. Сейфеддин однажды признался своему другу Али Джанибу Ёнтому, что он

«жил совсем в одиночестве... и не проводил время в праздности» [9, с. 165]. Умер он 14 марта 1920 г. после непродолжительной болезни. Писатель прожил очень короткую жизнь, но его глубоко содержательное творчество нашло путь к сердцам миллионов читателей, а его имя стало в один ряд с великими мастерами художественного слова, составляющими цвет мировой литературы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Айзенштейн Н.А.* Из истории турецкого реализма. – М., 1968. – 176 с.
2. *Ahmet Hamdi Tanpınar.* Turk edebiyatı tarihi. – Ankara, 1989. – P. 416 (*Ахмет Хамди Танпинар.* История турецкой литературы. – Анкара, 1989. – 176 с.).
3. *Izzet Aydemir.* Muhaceretteki cerkes aydinlari. – Ankara, 1993. – P. 182 (*Иззет Айдемир.* Известные черкесские деятели. – Анкара, 1993. – 182 с.).
4. *Сейфеддин О.* Вечер свободы // Наследие. – Нальчик, 2004. – 590 с.
5. *Сейфеддин О.* Эфруз-бей // Наследие. – Нальчик, 2004. – 590 с.
6. *Сейфеддин О.* Скребница // Наследие. – Нальчик, 2004. – 590 с.
7. Песня-плач о Мазане Дуге // Мир махаджиров. – Нальчик, 2001. – 252 с.
8. *Скаляхо А.* Знаменитый сын, гордость народа // Адыгэ макъ, – 1999. – № 36.
9. *Тимижев Х.Т.* Историческая поэтика и стилиевые особенности литературы адыского зарубежья. – Нальчик, 2006. – 360 с.
10. *Хавжокова Л.Б.* Поэтический мир Хабаса Бештокова. – Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2012. – 192 с.
11. *Чамсо Г.* Зов Родины. – Майкоп, 1993. – 24 с.

REFERENCES

1. Ajzenshtejn N.A.. From the history of Turkish realism. [Iz istorii tureckogo realizma]. M., 1968. 176p.
2. *Ahmet Hamdi Tanpınar.* Turk edebiyatı tarihi. Ankara, 1989. 416 P.
3. *Izzet Aydemir.* Muhaceretteki cerkes aydinlari. Ankara, 1993. P. 182
4. Seyfeddin O. Night of freedom. the Heritage. [Veчер svobody. Nasledie]. Nalchik, 2004. 590 p.
5. Seyfeddin O. Afros Bay. Legacy. [Jefruz-bej. Nasledie.]. Nalchik, 2004. 590 p.
6. Seyfeddin O. The Horse Comb. Legacy. [Skrebница . Nasledie.] Nalchik, 2004. 590 p.
7. Song-cry of Mazan Arc. World of Muhajirs.[Pesnja-plach' o Mazane Duge. Mir mahadzhirov.] Nalchik,2001.252.p.
8. Skaljaho A. Famous son, the pride of the nation.[Znamenitij syn, gordost' naroda.] Адыгэ макъ,1999.No.36.
9. Timizhev Kh. T. Historical poetics and stylistic features of literature odeskogo abroad. [Istoricheskaja pojetika i stilevyje osobennosti literatury adyskogo zarubezh'ja.]. Nalchik, 2006. 360p.
10. Havzhokova L.B. Poetic world of Habasha Beshtokov. [Pojeticheskij mir Habasa Beshtokova.]. Nalchik: Publishing House. Department KBIGI, 2012. 192 p.
2. Chamso G. The Call Of The Homeland. [Zov Rodiny]. Maikop, 1993. 24 p.

Информация об авторе

Тимижев Хамиша Тарканович, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом адыгской филологии, Институт гуманитарных исследований, Кабардино-Балкарский научный центр РАН, г. Нальчик, Россия
kbigi@mail.ru

Получена:09.02.2016

Для цитирования статьи: Тимижев Х.Т. Черкесские мотивы в творчестве турецкого прозаика О. Сейфеддина. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 223-227
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-223-227

Information about the author

Timizhev Khamisha T., Doctor of Philological Sciences, Professor, Chief of Adyghe Philology Department, Institute of Humanitarian Researches, Kabardino-Balkarian Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia
kbigi@mail.ru

Received: 09.02.2016

For article citation: Timizhev Kh.T. Cherkessk motives in the works of Turkish prose writer O. Seyfeddin. [Cherkesskie motivy v tvorchestve turetskogo prozaika O. Seyfeddina]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 223-227.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-223-227